

В этот месяц можешь просто пожить у меня... Не появляйся в моей спальне и кабинете и не действуй мне на нервы, а в остальном делай что хочешь. Гу Тинъянь привёл человека в собственную виллу.

Чу Инь осмотрел гостевую комнату: санузел, окна на юг, а ещё терраса, с которой открывался вид на недалёкую реку.

Он остался очень доволен, и у него даже прибавилось терпения к язвительным речам Гу Тинъяня.

Чу Инь открыл телефон, зашёл в какой-то чат и скинул геолокацию. Примерно через полчаса сотрудники авиакомпании доставили багаж Чу Иня.

Охрана посёлка сначала позвонила хозяину и только потом пропустила машину, поэтому Гу Тинъяню тоже пришлось спуститься.

Сложив руки на груди, он стоял у дверей. Поначалу он даже мог с усмешкой наблюдать, как работники заносят чемоданы в дом, но когда они дошли до седьмого по счёту, выражение лица Гу Тинъяня начало постепенно меняться.

А когда несколько человек выгрузили из машины пианино, Гу Тинъянь окончательно потерял самообладание:

— Ты приволок из-за границы пианино?

— И что? — невозмутимо парировал Чу Инь.

И что?!

Неужели Чу Инь считает его дураком?

Чу Инь два дня сидел дома и играл на пианино... Это был его способ снять стресс.

Такая громкость так и клонит в сон...

Затем работники выгрузили из машины стойку с от-кутюрными платьями и костюмами, отчего у Гу Тинъяня задергался глаз.

Сверху доносились звуки мелодичной, воздушной фортепианной музыки. Гу Тинъянь подошёл к дивану в гостиной и почувствовал, что двигаться больше не хочет.

Да, по мнению Гу Тинъяня, из пяти участников, дебютировавших в FUT, кроме Нин Цзюй, все остальные если и были красивы, хорошо пели или отлично танцевали, но подобные качества есть у многих, поэтому все они были посредственностями. В конце концов, смазливые лица похожи друг на друга, а чистая душа — большая редкость.

У него на душе было беспокойно, и он испытывал недовольство из-за устроенного для Нин Цзюй... Он ведь согласился побыть менеджером Чу Иня в течение месяца, начиная с завтрашнего дня, но Нин Цзюй непременно потребовалось выгнать его обратно именно сегодня вечером.

Во сне он видел, как Нин Цзюй в панике бежит за кулисами. Отборочный тур из десяти человек в восьмерку лучших уже закончился, и он еле-еле зацепился за хвост, прорывшись в топ-восемь. Завтра уже предстоял тур из восьми человек в шестерку, и остальные стажеры были заняты завтрашним соревнованием, и только один Нин Цзюй бродил здесь.

Гу Тинъянь вернулся домой только на следующий вечер, пьяный в стельку и покачиваясь при ходьбе.

На самом деле он узнал этого человека вовсе не после формирования FUT — Гу Тинъянь был знаком с Нин Цзюй еще со времен отбора трепещущих стажеров.

Он ведь действительно очень старательный и добрый человек, но его вечно подавляют всякие бездарности.

Такая огромная вещь, как пианино, чтобы привезти её из-за границы, требует либо морской перевозки, либо заказа чартерного грузового рейса. Кругом одни сотрудники авиакомпании, каким же нужно быть тупицей, чтобы решить, будто это прибыло через таможню?

К тому же морская перевозка обычно занимает около месяца, а Чу Инь получил уведомление компании о возвращении позавчера...

Проводить дни вот так — сплошное удовольствие.

К тому же у Нин Цзюй были и достоинства: он являлся очень талантливым певцом-автором песен, и Гу Тинъянь познакомился с ним именно потому, что подобрал его рукописные черновики оригинальных песен.

Гу Тинъянь погрузился в сон, словно вернувшись в момент первой встречи с Нин Цзюй.

Лицо Гу Тинъяня немного посветлело, и он с некоторым сарказмом произнёс:

— ...А ты умеешь себя продавать.

Видя, что неприятный ему человек живёт не так плохо, как представлялось, Гу Тинъянь чувствовал раздражение.

Базовая подготовка у Нин Цзюй хромала, да и внешность можно было назвать лишь миловидной, но именно такая внешность точно попадала во вкусы Гу Тинъяня. Напоминающий соседа-парнишку, он вызывал ощущение близости и безопасности.

Гу Тинъянь не появлялся дома два дня, а может, это место и вовсе не было его домом — Чу Иню было всё равно. Хорошо даже, что не приходит мешать, к тому же на виллу регулярно привозили продукты: пускай обычная свинина и овощи, но зато свежие.

Чу Инь приподнял веки и доброжелательно пояснил:

— Всё подделки. Крутятся в этом шоу-бизнесе, как ни крути, а нужно же хоть немного блеснуть на витрине?

Чем больше Гу Тинъянь думал об этом, тем сильнее раздражался. Воспользовавшись тем, что время было еще не поздно, он отправился в бар как следует напиться, а затем, получив звонок от Нин Цзюй, с неохотой вернулся обратно.

Следующие два дня Гу Тинъянь объявил отпуском, велел ему акклиматизироваться, а через два дня поехать на пробы.

— Что ты здесь делаешь один? — Гу Тинъянь изначально испытывал к нему симпатию, а увидев его за кулисами, тут же проявил инициативу и заговорил.

— М-мои черновики с оригинальными песнями кто-то спрятал, я не могу их найти... — Нин Цзюй так испугался, что на глазах выступили слёзы. У Гу Тинъяня тут же взыграло чувство справедливости, ему ужасно захотелось помочь решить все его проблемы.

Тогда Гу Тинъянь еще не потерял голову окончательно:

— Разве у твоих собственных оригинальных песен нет дополнительных копий?

Даже если нет копий, плоды собственных трудов разве забываются так быстро?

Взгляд Нин Цзюй заискивающе заскользил:

— Только рукописи... К тому же в черновики вносилось столько правок, что я уже не очень помню, где и что исправлял.

Он выглядел виноватым из-за своей рассеянности — такая милашка.

Гу Тинъянь смутно пробудился, на его лице всё ещё блуждала лёгкая улыбка после сладкого сна.

В самом конце сна Гу Тинъянь помог Нин Цзюй отыскать рукопись, и Нин Цзюй сыграл ему эту мелодию в фортепианном классе...

Невыразимое, давно забытое ощущение умиротворения окутало сердце.

Гу Тинъянь открыл глаза и почувствовал, что этот сон был необыкновенно хорош: не было даже привычной после тяжелого похмелья головной боли.

В ту же секунду Гу Тинъянь ещё острее почувствовал, что Нин Цзюй — его счастливая звезда.

Взглянув на время в телефоне, он обнаружил, что сейчас четыре часа утра — он проспал меньше пяти часов.

Стоило проснуться, как уснуть снова стало трудно, особенно когда в нос ударил манящий аромат еды. Гу Тинъянь понял, что если сейчас же что-нибудь не съест, его собственный желудочный сок начнет переваривать его самого.

Это жилье не было местом его постоянного проживания, поэтому приходящей домработницы здесь, естественно, не имелось. Кто именно готовит, было понятно без лишних слов.

Поколебавшись немного, Гу Тинъянь всё же направился в сторону кухни.

Чу Инь жарил яичницу, рядом в небольшой кастрюльке закипала вода, а на мраморной столешнице лежали лапша и зелень.

Самое удивительное, что, войдя и увидев эту картину, Гу Тинъянь уже перестал думать о еде... хотя явился сюда исключительно потому, что дико проголодался.

У Чу Иня была очень стройная фигура. Хотя сейчас он был в домашней одежде, линии его спины отличались невероятной плавностью и изяществом, а завязки фартука подчёркивали талию, отчего мысли Гу Тинъяня слегка затуманились.

Разве у мужчины может быть такая тонкая талия? Казалось, её можно обхватить двумя руками.

Стоило этой мысли возникнуть, как у Гу Тинъяня появилось жгучее желание попробовать. Он поднял собственные руки и прикинул, какой максимальный размер сможет охватить.

Чу Инь повернулся вполоборота, чтобы вымыть овощи, и только тогда заметил стоявшего у входа Гу Тиньяня, отчего испугался.

Обуви на нём не было, он стоял на полу босиком, поэтому Чу Инь не слышал его шагов.

Чу Инь хлопнул себя по груди, всё ещё испытывая легкий испуг:

— Чего ты ходишь без обуви?

Он вовсе не собирался упрекать того за бесшумную ходьбу, но Гу Тиньянь, судя по всему, истолковал всё по-своему и странно на него посмотрел:

— Не твое дело.

Чу Инь: ?

Словно умалишённый.

Гу Тиньянь вернулся в комнату досыпать: голод стерпеть можно, а вот надежды ему давать нельзя.

Спустя два часа Гу Тиньянь поднялся и заказал на завтрак целый стол еды. Когда Чу Инь спустился и увидел его, ему показалось, что аура обиды вокруг этого парня чернее, чем у любого призрака.

— Садись ешь, а после поедешь со мной на кастинг.

Усевшись за стол, Чу Инь съел всего парочку булочек и остановился, заставив Гу Тиньяня снова язвить:

— Нормальную еду не ешь, зато посреди ночи бегаешь перекусывать? Разве это подобает артисту?

Чу Инь изящно вытер рот и неторопливо произнёс:

— Я слышал, как ты ночью разговаривал во сне.

Гу Тиньянь растерялся:

— ...И что же я говорил?

— Ты сказал: наши отношения продлятся всего месяц, так что не лезь куда не просят.

— ...

Обдумывая услышанное добрую половину минуты, Гу Тинъянь сообразил, что Чу Инь, судя по всему, только что задел его за живое, но возразить было нечего — фразу действительно изрёк он сам.

Сериальная адаптация Алые девять небес по одноимённому сянься-роману уже имела за плечами киноверсию, однако отзывы пользователей сети и книжных фанатов сводились к тому, что [всё испортили], поэтому к сериалу по этой интеллектуальной собственности публика тоже относилась скептически.

По дороге Чу Инь поинтересовался у Гу Тинъяня, на какую роль его ведут пробоваться.

— На роль дублёра.

Чу Инь долго молчал. Он никак не ожидал, что отечественная киноиндустрия докатилась до такой бешеной конкуренции, когда даже для дублёров продюсеры устраивают отдельные кастинги.

Проходили пробы в небольшом студийном зале какого-то офисного здания. На сегодняшнее прослушивание собрались исполнители небольших второстепенных ролей, а также всевозможные дублёры.

Как правило, у главных звёзд всегда были свои собственные дублёры, но Алые девять небес — сериал в жанре сянься, требующий множества дублёров, привычных к подобным сценариям, и людей в зелёных костюмах. У команды профессиональных каскадёров и дублёров существовали свои агентства, однако Синьи, лелея мечту сотворить легенду, решила отбирать этих людей лично.

Мелкие актёры из третьего эшелона, явившиеся сюда, больше всего надеялись заполучить роль четвёртого по значимости мужского персонажа.

В коридоре выстроили ряды длинных скамей для ожидания. Мужчин среди собравшихся оказалось вдвое больше, чем женщин; все они получили номерки и теперь болтали между собой, выясняя, кто под каким номером идёт.

Когда вошёл Чу Инь, свыше десятка сидевших в зале актёров мгновенно умолкли.

Прошло около полуминуты, прежде чем один из сидевших ближе всех подскочил к нему и с напускным энтузиазмом поинтересовался его номером.

Остальные подсознательно приглушили голоса, явно желая услышать ответ Чу Иня.

Бросив взгляд на бумажку в собственной руке, Чу Инь невозмутимо ответил:

— Первый.

— Быть не может, первый только что зашёл!

— Наверное, он пробуете не на роль цинши?

— Дружина, а ты на какую роль пробуешься?

Пообсуждав всё это пару минут, толпа устами заговорившего первым парня задала самый волнующий вопрос:

— Секрет. У Чу Иня было сильное чувство собственной звёздности, и при таком скоплении народа произнести вслух, что он пришёл пробоваться на роль обычного дублёра, язык не поворачивался.

Он и представить не мог, что столь небрежный ответ тоже превратится в питательную среду для слухов.

Хотя на лицах окружающих ничего не отразилось, в душе они явно испытали облегчение — чувство свободы от избавившегося от сильного соперника человека... Тем не менее, кастинг в Синьи отличался суровыми требованиями: пришедшие под конец актёры в основном покидали помещение с окаменевшими лицами.

Сзади раздался ленивый голос, прозвучавший с оттенком лёгкой насмешки:

— Даже элементарными мимическими манерами управлять не умеете, а ещё в актёры метите?

Чу Инь обернулся, и его брови невольно сошлись на переносице.

Возможно, мир шоу-бизнеса и вправду тесен, иначе как объяснить, что не прошло и трёх дней по возвращении на родину, как он подряд встретил уже двух старых знакомых.

<http://bllate.org/book/19757/1945654>